

Р. В. Пересадило

РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНСУЛЬСКИХ ДОНЕСЕНИЯХ*

В начале XIX века в отношениях России и Швеции–Норвегии (объединенных с 1814 года унией) наступил новый этап. С конца XVIII века Швеция стала выступать союзником России: в 1799 году заключается торговое соглашение и в 1801-м — торговый договор. В соответствии с последним для русских и шведских купцов подтверждалось право облагать товары друг друга пошлиной, равной сборам, взимаемым с отечественных купцов. Устанавливалась уменьшенная пошлина с привозимых в Россию шведских сельдей и соли (на шведских кораблях), а взамен Швеция сбавила пошлину на пеньку, полотно, сало и лен. Русским купцам разрешалось иметь в Стокгольме товарные склады¹. По мнению В.В. Рогинского, события 1809–1815 годов стали ключевыми для смены отношения враждебности (относящейся, впрочем, исключительно к Швеции) на союзнические: Санкт-Петербургский мирный договор 5 апреля 1812 года, личная встреча Александра I с наследным принцем Карлом Юханом, участие России и Швеции в антинаполеоновской коалиции². Для Норвегии это стало скорее продолжением традиции, так как с Данией, в унию с которой входил наш северный сосед, отношения складывались скорее дружественно, за исключением начального периода Наполеоновских войн. Последний, однако, не успел оказать существенного влияния на русско-норвежские отношения. Уже международные соглашения Российской империи начала XIX века показывают, что торговле с соседней Швецией–Норвегией уделялось особое внимание. Статья 6 Дополнительного акта к Фридрихсгамскому мирному

---

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ и Правительства Архангельской области (проект 12-11-29002 а).

договору между Россией и Швецией от 29 августа — 10 сентября 1817 года давала привилегии купцам северного королевства. Купеческие корабли подданных двух стран могли привозить соль во все порты с платежом пошлин наравне с местными торговцами. Кроме того, торговые шведско-норвежские суда получали право беспошлинного складирования соли в Санкт-Петербурге, ливляндских и курляндских портах³. В 1815–1837 годах неоднократно продлевались льготы на вывоз хлеба в Норвегию и обмен на рыбу жителям городов Колы, Кеми и Сумского посада Архангельский губернии⁴. В 1846 году Россия заключила договор с Норвегией о взаимном рыболовстве русских и норвежских промышленников у берегов Норвегии.

Установлению более тесных торговых связей способствовало проведение в 1878 году телеграфной линии от Архангельска до северной Норвегии. Постоянные тесные торговые связи и другие контакты северных областей России с Норвегией послужили основанием для архангельского губернатора в 1838 году поднять вопрос о введении преподавания норвежского языка в учебных заведениях г. Кеми и Сумского посада. Поводом стали просьбы купцов, мещан и крестьян, занимавшихся торговлей с Норвегией. В итоге департамент народного просвещения в 1858 году в Кемском уездном и Сумскопосадском приходском училищах Архангельской губернии ввел преподавание норвежского языка⁵.

Норвежские крестьяне и рыбаки, будучи заинтересованы в свободной торговле, как правило, выступали против таможенных пошлин на товары, ввозимые из России, и за отмену ограничений в торговле с русскими (права торговать только в течение определенного срока в году)⁶.

Однако уже в XIX веке не давалось однозначных оценок экономических отношений двух стран. Местные чиновники зачастую откровенно враждебно относились к поморско-норвежской торговле. Согласно донесению кольского исправника, торговля жителей колонистов Мурмана и кольских горожан «состояла в пределах русских продуктов промыслов»: рыба свежая, соленая и сушеная, рыбий жир, дрова, лес, сало, ягоды⁷. Из Норвегии ввозились товары: ром и другие напитки, чай, кофе, сахар, одежда, обувь, мануфактурные товары, уды, веревки для промыслов, соль, бочки под сало и другие товары «на довольно значительную сумму»⁸. Поморы Кемского, Онежского, Архангельского и Мурманского уездов увозили в Норвегию (большой частью из Архангельска) муку, крупу, лес, смолу, веревки, масло, а вывозили свежую и сушеную рыбу для Архангельска. Как считал исправник, пограничный Мурман служил для норвежских городов

местом сбыта значительного количества товаров, а получаемое сырье — основа для многих предприятий, рыба и сало перепродавались на европейские рынки, таким образом, торговля Норвегии с Мурманом более приносила прибыли норвежцам, а не русским⁹. Но с выводом чиновников вряд ли согласились многие поморы. Даже официальные документы показывают, что для многих торговля стала средством избегания «совершенной бедности и нищеты»¹⁰. Указом Николая I от 24 марта 1835 года «всем жителям городов Кеми, Колы с уездами и Сумского посада без ограничения гильдий, также мещанам и крестьянам даровано право вывозить из Норвегии на собственных мореходных судах рыбу и мягкую рухлядь по всем беломорским портам без ограничения количества»¹¹. В 1843 году к военному губернатору обратились граждане г. Кеми с просьбой разрешить им торговать товаром, привозимым из Норвегии, в Архангельске. И хотя архангельское купечество протестовало против предоставления подобных льгот (например, 8 октября 1842 года архангельская торговая депутация предложила запретить продажу привозимого из Норвегии пушного товара в Архангельске без вступления в гильдию¹²), эта просьбу услышали. 21 июля 1843 года вышел очередной указ императора. Теперь иногородним купцам поморского края разрешалось в Архангельске «производить торговлю мягкой рухлядью без торговых свидетельств и без платежа акциза в пользу города»¹³. Гражданский губернатор даже предлагал в 1854 году для распространения новых типов судов разрешить торговлю с Норвегией только на шхунах¹⁴.

В конце XIX века обостряется шведско-норвежский конфликт. Норвежцы возмущались высоким размером консульских пошлин. Норвежский флот по численности превосходил шведский, при этом шведы не соглашались на учреждение отдельных норвежских консульств. В 90-х годах XIX века по шведскому бюджету на содержание консулов ассигновалось 160 тыс. крон, по норвежскому — 120 тыс. крон (то есть доля Швеции — 4/7, доля Норвегии — 3/7)¹⁵. Согласно международным правилам, консульские пошлины уплачивались каждым судном, заходившим в порт, где находился консул, таким образом, поступление зависело количества шведских и норвежских судов. 70 % судов объединенного королевства, заходящих в иностранные порты, принадлежало Норвегии. В 1894 году от норвежских судов в счет консульских пошлин поступило 196 355 крон, в счет так называемых экспедиционных пошлин от них же — 9590 крон; от Швеции — соответственно 82 441 и 4160 крон¹⁶. Таким образом, Швеция участвовала в покрытии расходов на содержание консульств на 246 600 крон, Норвегия — на 325 949 крон, то есть Швеция покрывала около 43 % расходов,

Норвегия — около 57 %. Обороты шведской внешней торговли в этот же период составили 673 955 000 крон, Норвегии — 324 277 000 крон.

Реформы второй половины XIX века привели к тому, что сами норвежцы назвали «сменой кожи». Изменения происходили и в Швеции, правда, результаты значительно различались. В Норвегии политическая жизнь XIX столетия отличалась бóльшим равенством граждан, экономической свободой. Для Швеции была характерна бóльшая бюрократизация, дробление населения на четыре сословия, крепко державшихся за остатки своих привилегий. В Швеции действовал принцип «король один управляет государством»; в Норвегии — *veto suspensivum*; в Швеции — сословный сейм с влиятельной рыцарской курией, в Норвегии — бессословный стортинг и общество без дворянства и свойственных аристократии привилегий. Исторические различия обуславливались и географически: в Швеции — развитые сельское хозяйство, промышленность, добывающая и обрабатывающая, в Норвегии — множество гаваней, богатых рыбных угодий, неприспособленность к земледельческой культуре, что обусловило развитие торговли и судоходства. В 90-е годы XIX века норвежцы вылавливали до 11 млн пудов трески, за 6 лет (1890–1896) — 62 млн, в дальнейшем эти показатели только росли¹⁷. Даже норвежская элита, состоявшая из крупных судохозяев, торговцев, промышленников (представители городского населения занимали 1/3 всех депутатских мест¹⁸), исповедовала крестьянские ценности.

Даже в 1900 году примерно 72 % населения жило в деревне¹⁹. Новые экономические отношения, «сломавшие» традиционный уклад норвежского общества, не смогли полностью искоренить некоторые устои. Так, принцип неделимости наследственного двора считался «осколком» средневекового общества²⁰, хотя «одадь», возникший задолго до прихода в Скандинавию феодализма, в свое время был оплотом родовых отношений и в высокое Средневековье. Но так или иначе комплекс факторов, а также уход «лишних» людских ресурсов во флот (свой и иностранный) и эмиграция в США позволили Норвегии легче пережить вхождение в мировую экономическую систему.

Ежегодный доход Норвегии в начале XX века составлял 71 932 500 крон (1 крона в 1905 году стоила примерно 52 коп.²¹): с таможенных пошлин — 21 млн; железных дорог — 8 млн; акцизные сборы на алкоголь — 6 млн; земельные и другие налоги — 5 млн; почта и телеграф — 4,5 млн; подоходный налог — 2 млн; гос. имущество — 2 млн; судебные пошлины — 1 млн; гербовые сборы — 1 млн. Расходы составляли: оборона — 8 млн.; ж/д расходы — 7 млн; народное просвещение — 6,5 млн; почта и телеграф —

6 млн; суд — 5 млн; проценты по погашению государственных долгов — 5 млн; содержание дорог, каналов, пристаней — 3 млн; управление финансами и таможами — 3 млн; флот — 2 млн; внутреннее управление — 1 млн; министерства — 1 млн; содержание короля — 1 млн²². Значительные поступления в казну давало судостроение и мореходство (например, фрахт). Тоннаж торгового флота Норвегии в 1910 году составил 3 910 000 т, стоимость ввоза — 429,2 млн крон, вывоза — 309,7 млн крон, общее число нетто-тонн пришедших и ушедших иностранных судов — 9 941 000 т (гос. бюджет в 1913 году — около 150 млн крон, при этом бюджет флота — 6,8 млн крон)²³.

Отношения к скандинавским соседям в России носили двойственный характер: с одной стороны, попытка повторить экономически успешный опыт во многих областях торговли, рыбной промышленности и пр., с другой — опасения экономической экспансии (последнее более относилось к местным властям). Показательно в этом отношении освоение Мурманского побережья, где в середине XIX века норвежцев «назначили» модернизаторами российской окраины, а затем, к началу XX века, заговорили о возможной потере «русского Финнмарка». Первая мировая война усилила подозрительность. В 1915 году российскому вице-консулу в Вардё показались подозрительными слишком частые поездки на Мурман норвежского подданного Израила Бергстрема. Причем консульство выяснило, не уточняя источник информации, что Бергстрем необычайно хорошо осведомлен о прокладке телеграфного кабеля из Англии в Александровск и якобы рассказывал все подробности неким «темным личностям»²⁴. Фактически норвежца стали подозревать в шпионаже в пользу Германии, тем более что немецкая разведка в Скандинавии действовала активно. Полицейский надзиратель г. Колы Брагин добавил к этому обвинение в распускании среди российских новобранцев на мурманских пароходах ложных слухов о капитуляции России²⁵. Дело дошло до архангельского губернатора. Главнокомандующий г. Архангельска и района Белого моря приказал провести тщательное расследование, допросили не менее 9 свидетелей²⁶. В конце концов начальник Архангельского губернского жандармского управления пришел к выводу, что за Бергстремом «ничего предосудительного не замечено», сведения о шпионаже и распускании слухов — не более чем невежество отдельных лиц²⁷. Дело для норвежского подданного закончилось благополучно: вероятно, он даже не узнал о своей «шпионской» деятельности, но то, какого уровня чиновники занимались этим расследованием, говорит о серьезном отношении к таким подозрениям.

Подобные казусы случались и в Скандинавии. Однако шпиономания характерна скорее для Швеции начала XX века, причем еще до начала войны. Страна в этот период стала принимать сезонных рабочих. Обеспеченность рабочими руками производилась за счет приходящих туда крестьян-поляков из Галиции на условиях: для мужчин — около 180 руб. в год, женщин — около 120 руб. в год; и те и другие с содержанием и квартирой²⁸. Однако в качестве вероятных шпионов выступили русские сезонные рабочие. Они стали предлагать шведам хозяйственные услуги, в том числе в заготовке дров, отсюда и название “*segfilarna*” — пильщики. В октябре 1900 года корреспондент столичной газеты “*Stockolms-Tidningen*” сообщил о двух русских офицерах, переодетых в мужицкие красные рубахи: якобы эти шпионы изучали окрестности и искали карты Генштаба²⁹. МВД Швеции даже обратилось к эксперту Нобелевского комитета по славянской литературе Альфреду Йенсену. Славист побеседовал с несколькими пильщиками и убедился, что это крестьяне из Новгородской губернии, прибывшие в Швецию в поисках заработка. Впрочем, потом это не помешало выйти в свет книге Свена Хедина «Слово предостережения» о готовящейся оккупации Швеции Россией³⁰.

Первая мировая война не только нанесла окончательный удар по уже умирающей поморской торговле, не лучшие времена наступили и для всего комплекса экономических отношений. В 1915–1916 годах между Россией и Норвегией шли переговоры о совместном использовании гидроэнергии пограничных рек, но затем этот проект пришлось отложить до лучших времен³¹. В 1916 году к российскому послу в Христиании обратился местный норвежский гренадер, имевший, однако, российское подданство, Ион Лид с просьбой о разрешении ему отправить на Мурманскую дорогу российского подданного, специалиста по лесному делу. Лид планировал устроить несколько лесопильных заводов. После определения размера необходимых инвестиций Лид предполагал представить правительству план экономического развития. Посланник выразил одобрение по поводу плана Лиды «в целях оправдания экономического существования дороги и пробуждения северного края»³². Несмотря на «шпионские» дела (занимавшие, правда, больше местных чиновников низового уровня — см. выше), намечилось экономическое сотрудничество в военной области. В частности, по заказу Морского министерства норвежская фирма “*Mariteme*” построила 18 моторных катеров. Специально для наблюдения за ходом выполнения заказа в 1916 году в Норвегию командировали военного чиновника³³. Норвегия иногда выступала как неофициальный (официально не позволял объяв-

ленный нейтралитет) посредник в торговых операциях воюющих держав. В 1915 году английский посланник в Христиании обратился к главе российской дипмиссии Арсеньеву с просьбой разрешить норвежской фирме «Меллер» (г. Драммен) закупать в Архангельске и Мурманске волосы северных оленей, запрещенные к вывозу. Норвежская фирма «Меллер» собиралась изготавливать спасательные пояса для поставок английскому военно-морскому флоту³⁴. Норвегия в годы I мировой по-прежнему была заинтересована в торговых отношениях с Россией. В 1916 году норвежский пароход «Карме» был заподозрен в разбрасывании мин в устье Белого моря, по поводу чего российский посланник в Христиании попросил МИД Норвегии провести расследование и в случае подтверждения фактов наказать виновных. Норвежский министр иностранных дел ответил согласием. При этом добавил, что «тем охотнее дает это <...> так как норвежское правительство весьма заинтересовано, чтобы ее торговля с Россией могла производиться беспрепятственно»³⁵. Однако в целом в этот период можно говорить об упадке экономических отношений между Северо-Западом России и Норвегией. Традиционные товары, такие как зерно, поставлялись из Нового Света. В 1917 году норвежский министр продовольствия заявил, что Норвегия располагала 210 тыс. т зерна, которых хватило до декабря. Урожая предполагали получить около 400 тыс. т, чего хватило бы до апреля-мая 1918 года, после чего потребовалось бы приобрести еще зерна, чтобы избежать голода. В тех условиях такие поставки могли обеспечить США или Канада. В итоге с Америкой были заключены контракты на 200 тыс. т³⁶. По мнению российского военно-морского агента, к 1916 году вся северная Норвегия, от Кристианзунда и выше, стала в большинстве своем германофильская, причины этого — экономические: Норвегия «захлебывается в германском золоте, получаемом за вывозимые в Германию рыбы, тюлень мясе и прочие съестные продукты, за которые немцы, не стесняясь, платят неслыханные цены и всякими правдами и неправдами вывозят <...> [ранее] промысловая шхуна набивала от 4 до 6 тыс. зверя, с которого снималась шкура и пересыпанная солью складывалась в трюм, а жир топился и сливался в цистерны, тушки же выбрасывались. Теперь же за 1 кг тюленьего мяса немцы платят не менее 1 марки»³⁷.

Объявленный нейтралитет не спасал Норвежское королевство от военных потерь. По данным российского консульства в Христиании, с начала Первой мировой войны к 16 ноября 1916 года Норвегия потеряла 170 пароходов, 60 парусников, 14 судов было захвачено либо конфисковано. Общий тоннаж составил 316 316 т на сумму 136 798 500 крон³⁸. По словам сек-

ретаря Общества судовладельцев, норвежцы потеряли 13 614 001 крону, ожидавшуюся в качестве прибыли от сделок по фрахтованию пароходов, и 14 335 854 крон — стоимость погибших на кораблях грузов³⁹. Огромные убытки несли страховые компании. В октябре 1916 года акционерное общество «Русское Восточно-Азиатское пароходство» обратилось в Управление по морским перевозкам. Норвежский пароход «Рингборг», зафрахтованный обществом на два рейса из Нью-Йорка в Архангельск и обратно, по приказанию норвежского командующего задержан в Вардё из-за опасения страховых компаний в потоплении немецкими подводными лодками. Впрочем, арестованными оказались все суда, следовавшие в Архангельск: 5 буксирных пароходов, 3 деревянных морских лихтера, груженные моторными катерами, 12 стальных лихтеров и буксирный пароход — все норвежские⁴⁰. Для снятия ареста пришлось связываться с Британским адмиралтейством и императорским российским консульством в Вардё и Тромсё⁴¹.

В начале XX века происходило перетекание и российского капитала в Норвегию. Однако связано это было с традиционными формами экономической активности. Русские купцы, приезжая на пароходах из Архангельска, Александровска и других мест, привозили с собой огромные суммы (сотни тысяч рублей). Происходило это, как правило, неофициально, вследствие фактического отсутствия таможенного контроля. Многие пассажиры даже не имели заграничных паспортов⁴². Купцы предпочитали закладывать рубли частным лицам для получения норвежской валюты, теряя при этом до 10 % по сравнению с биржевой стоимостью⁴³. В годы войны это стало восприниматься российскими властями как экономическая опасность для страны: рубли накапливались, и курс их в Норвегии падал, чем пользовалась германская агентура, скупая рубли для Германии. Во всяком случае по косвенным признакам можно судить об активности германской разведки в Норвегии: когда была потоплена немецкая подводная лодка севернее Гаммерфеста, команда из 30 человек была снята норвежской морской шхуной. Как сообщал российский военно-морской агент, «по пути в Гаммерфест командир лодки стал сначала просить, потом требовать с угрозами доставить их в Тромсё, так как он знает, что там теперь находится германский пароход “Веста”, который может их доставить прямо в Германию», — по словам капитана шхуны, такая осведомленность германского командира «страшно поразила его»⁴⁴. На севере Норвегии, в городах Тромсё и Буде, «ОфотенБанк» устанавливал более высокий курс российского рубля. Однако в одном лишь городке Вардё у местных купцов к 1917 году скопилось несколько миллионов рублей⁴⁵. Военно-морской

агент в Христиании даже советовал Кредитной канцелярии учитывать количество русских денег, проникших контрабандным путем в Норвегию. Основная масса денег вывозилась для расплаты за покупаемую в Норвегии рыбу. Российские консулы в Тромсё, Тронхейме и Вардё страховали стоимость закупленной рыбы. Разница разрешенной к вывозу суммы русских денег для торговцев по закупке рыбы и застрахованной суммы давала возможность судить о размерах.

Безусловно, полного прекращения экономических отношений не было, да и быть не могло. Скорее менялся их характер. В табл. представлены типичные участники экспортных операций в Норвегию (все сведения относятся к 1916 году)⁴⁶.

№	Фирма или Ф. И. О. предпринимателя	Место пребывания	Экспортируемые товары
1	Пребенсен	—	Льняная жмыха, щетина
2	Басс	Курск	Пенька
3	Тетеревлев	Архангельская губ.	Конопля
4	О. Вист	Гаврилов	Канат, смола, деготь, скипидар
5	Maskin- och Brobyggnads	—	Части машин
6	Карл Вострем	Торнео	Пенька
7	О. Паульсон	—	То же
8	Отделен. Русск. для Вн. торговли Банка	Архангельск	Нафталин
9	Гребенсен	—	То же
10	Христиан Христиансен	Петроград	Льняное семя и солод
11	Альфред Йенсен	—	Яйца
12	Нордель Карлин Бергеруд	Киркинес	Еловые стволы
13	В.Н. Торлов	Архангельск	Березовая кора, доски и шпалы
14	Настоятель Печенгского монастыря	Архангельская губ.	Вареная морошка
15	Липин	—	Рыбий жир
16	Медведников	—	Березовая кора
17	Капитан Мальгин	—	Доски
18	Ольсен Стампе и Ко	Архангельск	Сосновые и еловые доски
19	Николаевская главная физическая обсерватория	Петроград	Резиновые шары — пилоты
20	Нильс Ист	Вардё	Лук, смола, вар

21	П. и И. Данишевские	Архангельск	Смола
22	Малькольм и Ко	Петроград	Пенька
23	Маслин	Рига	То же
24	Торговый дом «Рабинович и Ко»	—	Жмыха, льняное семя, клевер
25	А. Морозов	—	Мука
26	Русское общество экспортной торговли	Петроград	Пшеница, льняная жмыха и льняное семя
27	Иоганн Соров	Там же	Льняная жмыха
28	Ханжонков	—	Кинематографические ленты
29	Поморы Антуфьевы	—	Ржаная и пшеничная мука и доски
30	Контора «Российский экспорт и импорт»	—	Лен
31	Поморы Хохлин и Сметанин	—	Ржаная мука
32	Мульжские поморы Липин, Буркин, Коперины	—	Доски и колья
33	Ларсен	—	Жмыхи
34	Торговый дом «Бр. Каменские и Н. Мошков»	—	Пенька и цитварное семя
35	Стьернвальд	Николайстад	Семя клевера
36	Крестовников	Москва	Глицерин
37	Братья Бремме	Петроград	Мятное масло
38	Графиня Богарне	—	Спиртные напитки
39	Гатрман	Христиания	Семя льна
40	Христиансен	—	Платина (азбест)
41	Виктор Эк	—	Пенька
42	Густав Сваньонг	—	Семя клевера
43	Василий Пахомов	—	Пенька
44	В.К. Феррейн	Москва	Спорынья
45	Гергард и Гей	—	Конопля
46	Акционерное общество «Словолитня О.И. Лемана»	—	Шрифт
47	“Muhre”	Христиания	Галоши
48	Рибер и Ко	Берген	Тюленьи кожи
49	Помор Копырин	—	Ржаная мука

Несмотря на то что номенклатура товаров осталась традиционной, растет количество фирм и частных предпринимателей, предпочитающих денежные расчеты. Данные сведения являются отражением только официальной статистики. Жандармское управление Архангельской губернии постоянно сообщало о попытках нелегального вывоза в Норвегию, но, как правило, в годы Первой мировой войны нарушения касались вывоза валюты и золота⁴⁷. Меновая торговля практически прекратилась (и Первая мировая война ускорила ее кризис), но денежные расчеты, несмотря на все трудности военного времени, все-таки увеличились. По сведениям уполномоченного по торговле и промышленности В. Ленгауэра, количество товаров, отправленных из Архангельска в Норвегию, выросло с 1915 до 1916 года с 49 613 894 до 65 113 278 пудов⁴⁸. В военный период возникают фирмы, планирующие вести экономическую деятельность, ориентированную на рынок, в том числе международный. В 1916 году регистрирует свой устав Каспийско-Волжское и Беломорское рыбопромышленное и торгового акционерное общество, хотя правление располагалось в Астрахани, учредители — братья Беззубиковы — планировали в Архангельской губернии эксплуатировать звериные и рыбные промыслы, строить заводы и фабрики «для надобностей промыслового дела и с целью переработки рыбных продуктов и для производства торговли рыбными и другими товарами в России и за границей»⁴⁹. На подобных условиях образовалось и Лесопромышленное акционерное общество «Прютц и К» в лесной отрасли. Предприятия российского консула в Тромсё Конрада Хольмбо открывались по всей европейской России. К началу XX века характер экономических отношений двух стран серьезно изменился.

* * *

¹ Лооне Л.А. О характере русско-шведских торговых отношений в XVIII и первой половине XIX века // Скандинавский сборник I / под ред. В.В. Похлебкина, Л.К. Роотс. Таллин, 1956. С. 142.

² Рогинский В.В. Русско-шведские отношения в Новое время // Шведы и Русский Север. Киров, 1997.

³ Россия и Швеция. Документы и материалы. 1809–1818. М., 1985.

⁴ Щипанов В.К. Материалы о торговых и культурных связях России со Скандинавскими странами XIX — начала XX в. в фондах ЦГИА СССР // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.: сб. ст. Л., 1970. С. 372–373.

⁵ Там же.

⁶ Пийримяэ Х.А., Крафт С. Северная Норвегия в торговых договорах соединенного королевства с Россией // Скандинавский сборник I. Таллин, 1956. С. 236.

- ⁷ Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. 24-и. Оп. 1. Д. 73. Л. 8.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 2. Оп. 1. Т. 4. Д. 4243. Л. 2.
- ¹¹ Там же. Т. 3. Д. 2612. Л. 2.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Л. 23.
- ¹⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5483. Л. 4–4 об.
- ¹⁵ *Берендтс Э.* О шведско-норвежской унии. Историко-политический этюд. Ярославль, 1895. С. 61.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Русова С.* В стране вольного крестьянства (в Норвегии). Ростов н/Д, 1905. С. 16.
- ¹⁸ *Берендтс Э.* Указ. соч. С. 64.
- ¹⁹ *Похлебкин В.В.* Политическая обстановка в Норвегии в 1905–1907 гг. и влияние на нее первой русской революции // Скандинавский сборник I. Таллин, 1956. С. 177.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Русова С.* Указ. соч. С. 10.
- ²² Там же.
- ²³ Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГАВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 3945. Л. 1.
- ²⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 4. Д. 4166. Л. 18.
- ²⁵ Там же. Л. 24.
- ²⁶ Там же. Л. 27–38 об.
- ²⁷ Там же. Л. 40 об.
- ²⁸ *Васильев В.А.* По Швеции и Дании. Екатеринослав, 1914. С. 4.
- ²⁹ *Коваленко Г.М.* Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI–XX вв. СПб., 1999. С. 195.
- ³⁰ Там же. С. 197.
- ³¹ *Щитанов В.К.* Указ. соч.
- ³² РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3946. Л. 68.
- ³³ Там же. Д. 3081. Л. 135
- ³⁴ Там же. Д. 3946. Л. 4.
- ³⁵ Там же. Л. 31.
- ³⁶ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3944. Л. 18.
- ³⁷ РГАВМФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3939. Л. 7.
- ³⁸ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3947. Л. 33.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3948. Л. 3.

⁴¹ Там же.

⁴² РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1, Д. 3954. Л. 2.

⁴³ Там же.

⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1, Д. 3954. Л. 7.

⁴⁵ Там же. Л. 2.

⁴⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 32. Оп. 1. Д. 1118. Л. 1.

⁴⁷ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 4. Д. 4166. Л. 58.

⁴⁸ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1118. Л. 38.

⁴⁹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 1437. Л. 189.